

Н. А. Непомнящих

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск*

Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации

В статье обобщены и проанализированы существующие в науке подходы к проблеме анализа, классификации, типологии житийных сюжетов и отдельных мотивов в русской литературе Нового времени. Есть несколько проблем, с которыми сталкивается каждый, кто изучает агиографические традиции в новой и новейшей литературе. Во-первых, когда речь идет о сравнении житийных мотивов и сюжетов с мотивами и сюжетами в литературе Нового времени, предполагается, что необходимо соотнести некоторый гипотетический, уже выявленный комплекс житийных мотивов и сюжетов с теми, что есть в литературе, написанной позже. Однако не существует пока исчерпывающего исследования агиографических мотивов и сюжетов, есть работы об отдельных текстах и типах житий, но нет ни перечня, ни указателя житийных сюжетов / мотивов. Сами жития, оказывается, еще недостаточно изучены в аспекте их сюжетики и мотивики. Во-вторых, нет единой исследовательской терминологии относительно того, что считать «житийным мотивом»: любой ли регулярно повторяющийся элемент агиографического текста можно рассматривать как таковой, или «мотив» следует понимать как единицу темы или сюжета в зависимости от того, на чью концепцию опираться, и как с ними соотносится термин «топос», все чаще употребляемый исследователями агиографии? В-третьих, само количество как агиографических, так и литературно-художественных, а также научных текстов по теме настолько велико и необозримо, что можно лишь наметить какие-то основные тенденции трансформации агиографической традиции и житийных элементов в последующей литературе, но не собрать их все в одном указателе.

Ключевые слова: сюжет, мотив, агиография, русская литература.

Существует обширная научная литература о том, какие житийные традиции нашли воплощение в литературе Нового времени, но порой бывает сложно определиться с самим понятием «житийной традиции» и с тем, что именно наследуется в современных текстах: риторические приемы, способы типизации, композиция, образы святых, топосы, сюжеты, мотивы, художественные средства? В каждом конкретном случае художественная стратегия зависит от авторского выбора: в новой и новейшей литературе именно автор решает, каким образом и что именно из «житийных традиций» прорастет в его тексте. Можно лишь охарактеризовать принципы работы с традицией, писательские стратегии, но не ис-

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, alkat@ngs.ru)

черпывающе выявить все возможные варианты, поскольку их будет множество: творческий замысел и поиск невозможно унифицировать полностью и свести к общему «удобному» знаменателю.

Изучение житийной основы и житийных элементов в литературе Нового времени – тема довольно популярная, можно выделить несколько исследовательских направлений. Первое – анализ житийной традиции в классической литературе. Много работ об агиографии и деревенской прозе: в центре внимания тема праведничества и герои-праведники. Истоки традиции – в русской классической литературе, наиболее известны праведники из книг Н. С. Лескова. Существует и целое направление изучения агиографической традиции в советской литературе. Появился даже термин «коммунистическая агиография» [Подлубнова, 2005]¹. Активно исследуется и литература последних лет, в связи с чем некоторые ученые предлагают ввести термины «агиороман», «агиографический дискурс» [Бычков, 2015].

Многообразие работ и исследовательских подходов требуют специального рассмотрения, их анализ становится особенно актуален при составлении тематического раздела очередного выпуска «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы». Прежде чем помещать тот или иной сюжет или мотив в словарь житийных сюжетов / мотивов для экспериментального «Словаря-указателя сюжетов и мотивов», необходимо понять, на каких основаниях исследователи проводят аналогии и параллели между произведениями XIX–XX вв. и древнерусскими житийными текстами, что именно они считают в каждом случае «житийным сюжетом / мотивом» и почему.

Не претендуя на исчерпывающий обзор обширнейшей научной литературы по вопросу, назовем несколько монографий, появившихся в последнее десятилетие и попытаемся понять, каким образом проводятся аналогии и выявляются общие мотивы в произведениях XIX–XX вв. и в древнерусских житиях, а также вкратце охарактеризуем существующие в науке подходы к проблеме классификации, обобщения, типологии житийных сюжетов и отдельных мотивов в русской литературе Нового времени.

«Универсальная сюжетная типология» В. К. Васильева

В. К. Васильевым в книге «Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (архетипы русской культуры)» [2009] в основу универсальной, по авторскому мнению, типологии сюжетов и их классификации положены именно агиографические сюжеты. Исследователь исходит из архетипических сюжетных схем Христа и Антихриста, описывает модели преподобнического и мученического житий, беря за основу «динамические» мотивы, содействующие развитию сюжета. Предложенные им житийные модели основываются на наиболее типических повторяющихся мотивах и вовсе не обязательно должны присутствовать в сюжетной схеме конкретных житий целиком. Принципиально важными оказываются для характеристики каждого типа житий тип героя и тип конфликта. Согласно проведенному автором анализу, многие сюжетные схемы воспроизводимы вплоть до современности, но в новой литературе нет столь прочной привязки сюжета к жанру, сюжеты можно обнаружить как в больших эпических формах – романах и повестях, так и в малых – рассказах, очерках. Любопытно также, что, по наблюдениям исследователя, сюжетная схема мученичества почти сразу перестает быть

---

¹ См. также: Коммунистическая агиография в советской литературе 1920–1940 гг. Текст доклада // Словесность. Лаборатория сетевой литературы. URL: <https://www.netslova.ru/podlubnova/comm.html>

привязана исключительно к жанру жития. В. К. Васильев подчеркивает, что не существует абстрактного «житийного канона», на который любят ссылаться некоторые ученые. Свою сюжетную модель он базирует в том числе с учетом работ о житийной топике Т. Руди [2005], несколько упрощая и редуцируя ее подробные схемы. Дело в том, что понятие «топос», введенное Руди по отношению к житиям, несколько шире, чем традиционно понимаемый литературоведением мотив: как правило, мотив – единица сюжета или темы, а топос – любой повторяющийся житийный элемент, даже сугубо риторический.

Построенные Васильевым сюжетные схемы житий предельно обобщены, что позволяет увидеть совпадение некоторых мотивов в столь далеко по времени отстоящих друг от друга жизнеописании Святополка и рассказе В. М. Шукшина «Сураз» или найти древнерусский сюжет о «доброй и злой женах» в романе И. С. Тургенева «Дым». Исследователь оговаривает, что созданные им житийные сюжетные схемы в полном варианте могут быть не реализованы ни в одном из агиографических текстов, но их элементы и комбинации частотны и регулярно повторяются, характерны для определенного типа: преподобнического, мученического.

К сожалению, в схемах не учитываются столь важные и частотные мотивы, как, например, борьба святого с бесами, видения, плотские искушения и т. п., поскольку автор считает эти мотивы «тормозящими сюжет». Однако при анализе новой литературы они выявляются и атрибутируются исследователями и читателями как житийные. Пренебрежение ими обедняет сюжетные схемы, редуцируя смыслы, почерпнутые авторами из житий, которые оказываются важными для художественных текстов Нового времени: в отрыве от источника сложно оценить мотивные и сюжетные инверсии и другие трансформации.

В. К. Васильев как исследователь древнерусских текстов подчеркивает, что при апеллировании к агиографии очень важно опираться на конкретику: «Постоянная ошибка многих пишущих об агиографии заключается в ссылке на якобы существующий литературный канон жития. *Такого канона не существует* (он никем никогда не описан), так как не существует жанра жития “вообще”. В реальности имеются конкретные жанровые разновидности, каждая из них обладает специфическим, только ей присущим сюжетно-композиционным строением, каноном. Учитывая последнее, можно выстроить некую общую модель жития, но она будет не более чем абстрактным построением» [Васильев, 2009, с. 59] (курсив автора). К сожалению, не всегда при анализе агиографической традиции в литературе XIX–XX вв. учитывается этот фактор, и тогда сказанное о влиянии агиографии на тексты более современных авторов либо вдруг становится слишком размытым, поскольку нет привязки ни к конкретным житиям святых, ни к определенному типу житий; либо анализ сводится к перечню общехристианских категорий, а выявленные параллели в большей степени демонстрируют определенную идеологию автора, нежели связь с древнерусскими источниками.

Таков, например, подход Д. М. Бычкова, ссылающегося на «абстрактный житийный канон», который, по его словам, «модифицируется в формах репродукции принципов жития в “агиоромане” (в романе Л. Улицкой “Даниэль Штайн, переводчик”) или наличии насыщенного пласта агиографических аллюзий (например, в “Дурочке” С. Василенко, “Рыбе” П. Алешковского, “Юродивой” Е. Крюковой, в “романе-небылице” Е. Колядиной “Цветочный крест” и ее же “сказании” “Потешная ракета”)). Далее он развивает свою мысль: «Наиболее продуктивной стратегией трансформации канона становится использование житийной сюжетной схемы. В этом плане “пратекст” очевидно представлен как интертекст» [Бычков, 2015]. Но если нет никакой общей для всех «абстрактной житийной схемы», то как можно говорить об «агиоромане» как его современной модификации?

Житие – это повторяемость и предсказуемость мотивов (событий / поступков), а потому строго заданное движение героя, его эволюция преддрешена и закреплена на сюжетном уровне определенной, часто воспроизводимой в житиях подобного типа мотивной комбинаторикой, чего нельзя сказать о жанре романа, где развитие героя хотя и можно иногда предсказать заранее, но нельзя сказать, как именно, в каких ситуациях оно реализуется, нельзя раз и навсегда образцово задать ту самую однотипную комбинаторику мотивов, как в житии, поскольку именно их оригинальная, уникальная сочетаемость и есть одна из ценностей авторского романа. Если житийный персонаж идет по проложенной дороге, отмеченной одними и теми же вехами для всех по ней идущих, то какими путями и тропками приходит к финальному развитию романский герой – всегда некоторый сюрприз. Потому термин «агиороман» представляется не особенно удачным: по сути, это оксюморон.

Вариации сюжета о раскаявшемся грешнике в работах М. Н. Климовой

Изучением «конкретной жанровой разновидности» житий со специфической сюжетной схемой «раскаявшийся грешник» и ее сопоставлением и анализом применительно к литературе Нового времени плодотворно занимается М. Н. Климова. Она берет ограниченный и четко выявляемый сюжет о раскаявшемся грешнике и его реализации у отдельных авторов в XX в. М. Н. Климова в книге «От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития грешных святых в русской литературе» [2010] предпринимает попытку обобщить сюжеты о раскаявшихся грешниках, в основу отбора ею «положена сюжетная коллизия “нравственное падение и восстание”, которая, как правило, организуется согласно богословской триаде “грех – покаяние – спасение”, хотя соотношение значимости отдельных частей триады в конкретном тексте может варьироваться» [Там же, с. 12]. Ею подробно рассмотрены как вариации этой сюжетной триады в древнерусской агиографии, так и те тексты русской классической литературы, где эта житийная триада не только сохранена, но и воспроизводится на уровне сюжета или отдельных сюжетных мотивов.

Важнейшим положением для ее исследовательской позиции является понимание, что «пересказ агиографического текста светской литературой неизбежно потребовал перекодировки всей его знаковой системы» [Там же, с. 23]. Ею выявлены три основных авторских стратегии по отношению к житийным источникам: «Во-первых, писатель Нового времени может пересказать житийный памятник прозой или стихами, а также инсценировать его. Во-вторых, в произведение Новой русской литературы могут вноситься отдельные элементы конкретного жития или целой агиографической группы (например, используется сюжетная схема жития-мученика, на характеристику светского персонажа проецируется житие тезоименитного ему святого и т. п.). Наконец, по известным агиографическим схемам светский автор может попытаться создать “литературное житие” никогда не существовавшего святого» [Там же]. М. Н. Климова, рассматривая художественные тексты А. И. Герцена, И. С. Аксакова, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, М. Горького, Б. К. Зайцева, Ф. Абрамова, показывает, каким образом писатель может использовать житийную «ситуацию в условиях повседневности» [Там же, с. 28], например, как на светского персонажа переносится агиографическая модель поведения.

Признавая необходимость обобщения имеющегося житийного материала и классификации его использования в новой литературе, М. Н. Климова также подчеркивает, насколько важно не положить «в основу анализа... сопоставление

художественных текстов русских классиков с некоей <абстрактной> «агиографической моделью»», поскольку разновидностей житий множество, они менялись со временем и имели свою специфику в разной местности [Климова, 2010, с. 20]. Это чрезвычайно важное замечание, которое отсылает любого исследователя к необходимости учитывать конкретные жития при анализе житийных мотивов и сюжетов в творчестве каждого отдельного автора: какие именно жития он читал и знал, в какой местности жил, какие святые или какие даты их поминаения упоминались им в конкретном тексте. При сравнении и сопоставлении произведений XIX–XX вв. с житиями нельзя обойтись без таких сугубо «материальных следов взаимодействия» автора с агиографией, иначе житийные мотивы и сюжеты начинают трактоваться настолько расширительно, что теряются всякие осязаемые берега этого явления.

Изучение житийных параллелей в традиционалистской прозе и «коммунистической агиографии»

Если смотреть на научную литературу, посвященную изучению агиографических традиций в литературе XIX–XX вв., то приходится признать, что, помимо классики, активнее всего исследуются житийные сюжеты и мотивы не столько о ставших святыми грешниках, сколько о праведниках. В первую очередь образы праведников рассматриваются в связи с творчеством Н. С. Лескова, а также в связи с темой мирской святости праведничества в миру в деревенской или традиционалистской прозе. Поскольку привязка к житийному жанру здесь возникает чаще всего лишь по типу героя, без учета других важных для агиографии составляющих, то иногда трактовка «житийности» того или иного образа и связи конкретного текста с агиографией становится весьма широкой и расплывчатой.

Чаще всего путаница возникает там, где христианское мировоззрение, транслируемое в тексте персонажем / автором, или присущие автору православные убеждения автоматически наделяются «агиографическим статусом». На деле же «православная символика выступает тогда языком эстетики, оформляющим принципиально новые смыслы» [Ковтун, 2016, с. 159] Для традиционалистской прозы важны не только образы праведников в миру, но и сама установка на «духовный авторитет художественного слова» [Соколова, 2005, с. 8]. Но эту установку нельзя напрямую увязывать исключительно лишь с агиографией.

В научных работах, посвященных образам праведников в художественной литературе, существует довольно распространенный исследовательский штамп. Те, кто изучает деревенскую / традиционалистскую прозу часто проводят параллели между персонажами агиографии и литературными героями, вот только не всегда указывают, какой именно святой, какое именно житие, какая именно сюжетная комбинация мотивов определенного типа житий дает основание для проводимого сравнения. Гораздо чаще в уме словно держится некий «абстрактный герой абстрактного жития», а основой для сопоставления становится сама идея праведничества, основывающаяся на универсальных, внеконфессиональных христианских добродетелях: «В произведениях писателей-традиционалистов своеобразно отозвался художественный опыт агиографической литературы и прежде всего представление о народном христианском идеале, утверждаемом агиографией» [Там же]. Когда во главу угла ставится идеал, не всегда в итоге можно выделить и выявить в анализируемых текстах те конкретные мотивы, что характерны для житий разных типов. Речь идет скорее о некотором «эмоциональном ореоле восприятия», когда конкретные образы соотносятся с абстрактными представлениями об их «житийности».

В таких исследованиях внимание заостряется на том, что в центре повествования анализируемого произведения оказываются праведные герои, которые открыто или скрыто транслируют христианские ценности: они смиренны, жертвенны, умеют сделать верный нравственный выбор, к ним можно отнести понятие мирской святости. Н. В. Ковтун подробно описал праведников в творчестве А. Соже-ницына, В. Распутина, Ф. Абрамова и др. [Ковтун, 2010, с. 93–102; 2017, с. 173–206]. Ею проанализированы те изменения, которые претерпевают образы в романе Абрамова «Дом» – Евдокии-великомученицы и Калины Ивановича – в сравнении с традицией: «Традиционные агиографические мотивы гонений, душевных и физических страданий в сказах Евдокии, Соломиды, вслед за “Житием” Аввакума, даны с обратным знаком: не величие стойкости, не трагизм великомученичества, а обыденность того и другого. Чем выше мечтой возносится Калина Иванович, тем трагикомичнее звучит рассказ его спутницы, переживающей своеобразное “юродское обнажение”, самообличение души, которой ведомы тайны иного мира – ада» [Ковтун, 2017, с. 93].

Однако здесь речь идет скорее об «идеологии», авторской аксиологии, а не о собственно мотивике как основе сюжетики. Исследовательница фиксирует, что агиографические мотивы служения, жертвенности, аскезы нужны лишь для придания нравственной ценности поступкам героев: «Абрамов эстетизирует революционную историю, советскую трудовую доктрину в период, когда отечественная литература отходит от данной тематики, на первое место выступает проблема цены, которой оплачены подвиги советского народа. Примитивная культура подневольного тяжелого труда (коллективизация, колхозы) облагораживается, питается за счет высокой (агиография), означается ею: чем стремительнее разрушается миф о самоценности трудовой аскезы, тем на большую высоту он возносится в текстах. Власть слова признается выше власти реальности. Труд на благо государства приравнивается к молитве, ибо он – единственный способ создать новый мир вместо божественного домостроительства» [Ковтун, 2017, с. 99].

Нечто подобное происходит и в работах, где анализ направлен на изучение «коммунистической агиографии» (термин Ю. Подлубновой [2005]) и где за основу соположения берется именно герой-идеолог, пострадавший за принятую им идеологию. Наибольший интерес представляет анализ романа Н. Островского «Как закалялась сталь» [Софронова, 1995; Краснова, 2010]. Н. С. Краснова выделяет «предметные мотивы», то есть те, что не «сюжетны», не «актантны», но оказываются значимыми семантически: «В романе “Как закалялась сталь” присутствуют мотивы, характерные именно для житий – прямые коррелянты (мотивы аскезы, бесребреничества, целомудрия, ангелоподобия и другие). Характер актуализации таких инвариантов в варианты схож с житийным на уровне семантики образов, которые оформляет мотив-коррелянт» [Краснова, 2010].

Таким образом, при соотношении художественных текстов с агиографией исследователи чаще всего ориентируются на тип героя и ту систему ценностей, в которую помещает героя писатель, а не на мотивы как составляющие житийного сюжета. Традиция эта положена исследователями русской классической литературы, в частности творчества Н. С. Лескова. Возможно, на материале творчества отдельно взятого писателя проблема определения и анализа житийных мотивов и сюжетов уже была решена?

Житийная традиция в творчестве Н. С. Лескова: заметки к развитию темы

Название монографии И. В. Столяровой о Н. С. Лескове «В поисках идеала» (1978) стало знаковым для последующего лескововедения, сосредоточившегося

во многом на источниках и обосновании лесковской тяги к идеалу: «Едва ли не важнейшей особенностью художественной проповеди Лескова явилась откровенная ориентация на житие. Повышенное внимание писателя к этому жанру – производное от его литературной позиции <18>70–<18>80-х гг. и одновременно наиболее полное выражение последней» [Майорова, 1985]. В итоге основное внимание было уделено тем его героям, которых можно назвать праведниками: в них большинство исследователей видит несомненную связь с житийной традицией. Но каким образом эта традиция реализована в художественной ткани? Каким образом житийные тематика, топика, сюжетика отразились в его творчестве? Поскольку в отношении лесковского творчества проблема уже достаточно хорошо изучена, следует посмотреть на нынешнее состояние вопроса.

О. Е. Майорова еще в диссертации «Литературная традиция в творчестве писателя (на материале произведений Н. С. Лескова)» [Там же] обозначила, что ориентация на жития проявилась прежде всего в рассказах о праведниках. «Несмертельный Голован» в ее интерпретации – это «структурный парафраз жития», причем двуплановость повествования: реалистического и “мифического” (легендарного) хотя и задана изначально, но не закреплена жестко: «...“реальный” и “мифический” ряды развиваются в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Одно и то же повествовательное пространство – единица сюжета или художественная деталь – может быть включено как в тот, так и в другой ряд. Значит, можно полагать, что реалистические и средневековые традиции в “Несмертельном Головане” также не противостоят друг другу и жестко не закрепляются лишь за одним из повествовательных планов» [Там же]. По мнению исследовательницы, не только образ героя-праведника, но и образ самого повествователя «наделен отчетливым житийным подтекстом»: «...в “Несмертельном Головане” житийная традиция проявляется именно как структурная парафраза, однако она не превращает сам рассказ в житие, можно лишь говорить о некоторых близких к формульным для житий контурах оформления речи рассказчика-повествователя. При несомненной авторской ориентации на житийный канон нельзя сказать, что житийные формулы реализованы на уровне сюжета, скорее – композиционном [Там же].

М. Н. Климова обнаруживает у Лескова другой прием, позволяющий делать отсылки к житийным текстам – синкрисис: без понимания авторской стратегии в отношении значимых имен персонажей в «Павлине» невозможно в полной мере оценить ни авторскую идею, ни трактовку сюжета, ни характер и оценку главного героя. Конечно, имена персонажей Лескова не раз уже являлись объектом изучения лингвистов и литературоведов, но ключ к «Павлину» подобрала именно М. Н. Климова. Она не просто рассказывает о пристрастии писателя к причудливым именам и его художественной игре, но убедительно и увлекательно показывает, как «житийные аллюзии усложняют образ персонажа, придают ему дополнительное возвышенное или ироническое освещение, наконец, укрупняют его индивидуальную судьбу до масштабов вечности» [Климова, 2010, с. 72].

Н. В. Лукьянчикова, специально рассматривавшая трансформации агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова о праведниках, приходит к выводу, что писатель отнюдь не единообразно использует житийные элементы или приемы древнерусской агиографии: «В некоторых произведениях о праведниках (“Однодум”) художник открыто ориентируется на традиции агиографической литературы, реализуя в них житийную схему, пересекающуюся с православным каноном изображения святого; в других (“Кадетский монастырь”) – использует лишь общие принципы изображения человека, характерные для агиографии в целом; в третьих (“Пигмей”) можно отметить тематическую близость с древними житиями» [Лукьянчикова, 2004].

Исследовательница обращает внимание прежде всего на тип героя-праведника: «Праведник Лескова, безусловно, подвижник, он “житиен” в том плане, что бесконечно открыт добру, способен (и готов) к самопожертвованию, в то же время в нем как бы слиты все противоречия национального характера. В таких многогранных героях, как Рыжов (“Однодум”), “пигмей” (“Пигмей”), Голован (“Несмертельный Голован”), Иван Флягин (“Очарованный странник”), писатель высвечивает одновременно их идеальность и приземленность, черты вполне земной личности и человека “не от мира сего”. Мы считаем, что, трансформируя агиографическую структуру в своих произведениях, Лесков не стремится пародировать житие, создать “анекдотец” о чуде-праведнике, его задача – показать, насколько сложно в душе человека переплетается святое и грешное, обыденное и возвышенное. Необходимо отметить, что в ряде “житийных” произведений писателя можно найти следы конкретных литературных источников (“Однодум”), другие его произведения отмечены тематической близостью к агиографии (“Пигмей”) или общими принципами изображения персонажа, свойственными житию (“Кадетский монастырь”») [Лукьянчикова, 2004]. Кроме того, по мнению исследовательницы, для Лескова в первую очередь имеет значение не каноническое, а народное, неортодоксальное православие: «... писатель зачастую трансформирует канон, интерпретируя житие в русле народного христианства» [Там же].

В целом, исследователи сходятся в том, что «близость» к житиям проявляется скорее как близость тематическая, а связь с агиографией ассоциативна, не всегда выявляема строго формально и служит метафорической «подсветкой» в изображении героя, позволяя увидеть его в ином ракурсе: сквозь его приземленное существование и преходящую суету проступает вечное, т. е. ассоциативные связи работают здесь больше на идеологическом уровне, чем на сюжетном.

Наиболее известная и изученная повесть Лескова «Очарованный странник», по мнению большинства исследователей, также по своему жанровому генезису близка к житию. А. Ранчин приводит эпизоды из разных житий, сюжетные ситуации и мотивы которых довольно традиционны и воспроизводятся в том или ином виде в повести: мотив молитвы матери о рождении сына, мотив видения, мотивы искушения и борения с бесами и некоторые другие [Ранчин, 2017, с. 413–439]. Анализируя контекст и внутритекстовые связи, исследователь показывает, что хотя эти мотивы традиционно принято рассматривать в повести исключительно как житийные, но на поверку они оказываются амбивалентными: почти каждый, словно оборотень, имеет или фольклорный аналог, или травестийную, пародийную подоплеку. Контекст же проявляет и усиливает эту двойственную природу: «Смыслы, передаваемые агиографическим и фольклорным кодами, носят оценочный, интерпретативный характер по отношению к герою и его судьбе и отчасти близки к той семантике, которую, по Б. А. Успенскому <1995, с. 19–29>, заключает в себе точка зрения в плане идеологии. Однако в отличие от отчетливого выражения авторской позиции, о котором пишет Б. А. Успенский, эти оценки, как правило, имеют “мерцающий” и неустойчивый характер и часто амбивалентны. Их природа не идейная, а коннотативная» [Ранчин, 2017, с. 417].

А. Ранчин пользуется по преимуществу термином «агиографический код», он рассматривает не только мотивы, но и в комплексе другие элементы текста, такие как эпитет «очарованный», имена, наименования, искажения слов и другие языковые единицы. Его анализ показывает, что все потенциальные отождествления Ивана Флягина с определенными героями и персонажами, будь то богатыри или святые, носят не утвердительный характер, что мотивные ходы намеренно двойственны: одно и то же видение может быть прочитано по-разному, он приводит примеры «семантической “развилки” житийного и былинно-сказочного кодов: один и тот же мотив получает в них принципиально различное значение» [Ранчин,

2017, с. 421]. Автор приходит к любопытному и неожиданному выводу: «“Очарованный странник” – центральное произведение цикла – проблематизирует саму концепцию праведничества. Агиографический код оказывается неадекватным личности и судьбе Ивана-Измаила: описывая их, он периодически “дает сбои”» [Там же, с. 438]. Таким образом, оказывается, что герой-праведник у Лескова не столько уподобление житийным персонажам с поправкой на «народную веру», а идея повести (как и, возможно, других рассказов о праведниках) не столько в «поиске идеала» (национального / народного; христианского / православного), сколько в рефлексии о самой природе праведничества, когда в одном и том же герое противоречиво сочетаются противоположности, а почти каждый его поступок изображен амбивалентно, а вовсе не однозначно трактуется автором, как то заведомо происходит в житиях.

В позднем творчестве в 1880-х гг. Лесков пишет довольно много рассказов, используя проложные сюжеты. Подробно роль старопечатного Пролога XVII в. в творчестве Н. С. Лескова изучена в работах И. Н. Минеевой². Ею установлено, что на основе проложных сюжетов писателем создано 45 произведений: цикл «Легендарные характеры», повести «Гора», «Скоморох Памфалон», «Аскалонский злодей», «Прекрасная Аза», «Совестливый Данила» и др. Разумеется, эти рассказы тоже не просто пересказ старинных сюжетов для современников, а связанный цикл, где Лесков формулирует свою позицию, точнее – «оппозицию» по отношению к современной ему православной церкви: «Пересказывая тексты, писатель самоопределялся по отношению к тому, какие “ответы” дает Пролог на интересующие его вопросы: искушение человека, момент и причины грехопадения, чудо внезапного перерождения грешника; сила веры человека, любовь его к ближнему, скрытое благочестие, нарушение заповеди деятельной любви, совершенствование в подвиге смирения. Лесков может одновременно соглашаться и полемизировать с данной в нем версией, разъяснять ее по-своему» [Минеева, 2014, с. 316]. Именно в этих рассказах и повестях сами сюжеты по сравнению с источником меняются незначительно, тем более важной становится его авторская интерпретация.

Писатель создает не только образы чудаковатых праведников в миру, но и образ смиренного отшельника – тихого старца Памвы в «Запечатленном ангеле». Е. Водолазкин в статье «Образ Серафима Саровского в “Запечатленном ангеле” Н. С. Лескова» [1997] обращает внимание на то, что для образа старца Памвы используется не только текст жития Серафима Саровского, но и его иконография. В совокупности эти отсылки дают весьма прозрачную параллель Памва – Серафим Саровский. Но не только образ старца связывает «Запечатленного ангела» с житиями. Сама сюжетная ситуация встречи с отшельником отсылает к некоторым житиям [Непомнящих, 2011].

**Принципы отбора материала
для «Экспериментального словаря-указателя сюжетов
и мотивов русской литературы» на материале анализа житийных сюжетов
и мотивов в творчестве Л. М. Леонова**

Итак, в литературоведении нет единого мнения о том, что считать «житийным мотивом»: иногда под этим термином подразумевают именно сюжетную единицу (В. К. Васильев, М. Н. Климова, А. В. Ранчин), иногда «житийный мотив» – это любой элемент, напоминающий о житиях или христианстве «вообще» и чаще все-

---

² Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова // Электронная библиотека Республики Карелия. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27976>

го тематически связанный с идеей праведничества или святости. Н. А. Краснова выделяет сразу несколько типов мотивов: актантные, топические, временные, а также мотивы формы и состояния. Она предлагает учитывать не только «событийные», но и «топические» (несобытийные) мотивы, значимые и устойчивые для разных жанров, например этикетное речевое поведение автора [Краснова, 2010, с. 10]. Ею же были рассмотрены позиции разных исследователей древней литературы на предмет выявления устойчивых мотивов и сюжетных схем в житиях разных типов: «Рассматривая специфику мотивной структуры агиологических типов, мы обратимся к мотивам житий мучеников, исповедников, святителей, преподобных, пустынножителей и юродивых, опуская мотивы ветхозаветных святых» [Краснова, Краснов, 2012, с. 742]. Вывод, к которому приходит исследовательница в результате обзора большого количества работ, свидетельствует, что даже у исследователей агиографии нет единого мнения об устойчивых «конгломератах мотивов» для разных типов житий, и, хотя многие мотивы выделяются исследователями регулярно, акценты при построении собственно сюжетных схем варьируются: часто разные мотивы считаются значимыми и учитываются в их построении. В предельно обобщенном виде повествовательная канва всех житий строится по схеме «рождение – деяния – смерть – чудеса», но в столь обобщенном виде она не учитывает специфики их различий и подвидов. Как же тогда быть?

При отборе житийных мотивов и сюжетов для словника «Словаря-указателя...», по-видимому, необходимо идти сразу в двух встречных направлениях: с одной стороны, максимально учесть те мотивы и сюжеты, которые уже выявлены и атрибутированы исследователями древнерусской литературы на материале массива текстов как типические житийные с учетом подтипов (святительские, преподобнические, мученические и т. д.); с другой стороны, анализируя литературу Нового и Новейшего времени, нужно учитывать не только типические агиографические мотивы и сюжеты, но и новые авторские инварианты, которые создаются писателями «по мотивам» житий, но не воспроизводят их целиком. Учитывать придется не только собственно «событийные» мотивы, но и мотивы «несобытийные», однако регулярно повторяющиеся и имеющие источником агиографию (например, характерное для житий этикетное речевое поведение автора и связанные с этим риторические фигуры; такие характерные топосы, как смирение, благочестие героя и другие его личностные характеристики; уединенное пустынножительство и т. п.); а также сюжеты и мотивы, устойчиво привязываемые исследователями к агиографическим жанрам (например, видения).

Проиллюстрируем, как применяется сказанное на примере анализа одной сюжетной ситуации «Русского леса» Леонова. В тексте романа можно как отдельный эпизод выделить сюжетную ситуацию встречи ребенка с лесным отшельником и атрибутировать ее именно как «житийную», поскольку сюжетное построение этого эпизода совпадает с некоторыми комбинациями житийных мотивов. Можно назвать сразу несколько ключевых «для узнавания» характеристик. Это как событийные мотивы, так и некоторые несобытийные топосы. К событийным мотивам можно отнести следующие: 1) герой-отшельник живет в лесу уединенно; 2) герой приручил диких зверей и птиц и кормит их с руки; 3) встреча отшельника и заплутавшего путника; 4) герой-отшельник обращает в свою веру заблудившегося. К «несобытийным» мотивам, топике, стоит отнести: 1) наличие рядом с пустыней чудесного святого источника – родника (этот мотив есть в житии Серафима Саровского); 2) чудесное угощение, которое старик предлагает отроку (оно есть в житии Сергия Радонежского); 3) удивительное смирение отшельника (кротость, незлобивость, «подобен ангелу»).

Итак, смиренный старик-праведник, живущий уединенно в маленькой пустыньке с пасекой, на двери скромного жилища которого нарисован крест, встре-

чает заблудившихся мальчиков, дает им приют и ночлег, предлагает скромное, но очень памятное угощение. Встреча со стариком-отшельником для одного ребенка оказывается судьбоносной: мальчик впоследствии учится у старика его премудростям, «грамоте леса», и становится выдающимся лесником-ученым, его защитником, отчасти мучеником в борьбе за русский лес. В описании старика Калины отчетливо выявляется лесковский интертекст, за которым, в свою очередь, «просвечивает» житие Серафима Саровского и типичный для преподобнических житий тоpos «смирен, как ангел», а также мотив прирученных диких зверей и птиц, берущих корм с руки старика-отшельника. Сама чудесная встреча отрока и старца и его чудесное угощение, в результате которого отрок чудом в одночасье приобретает навык грамоты, – это несомненный мотив жития Сергия Радонежского, с сюжетом которого Леонов был знаком не только по тексту, но и по картине Нестерова. Встреча ребенка и отшельника – довольно редкий, практически единственный для житийной литературы сюжет. В житиях отшельник гораздо чаще встречается с заблудившимися в лесу людьми или разбойниками, которых иногда ему удается обратить в свою веру (подробнее об этом см.: [Непомнящих, 2011]). Мотив обращения в веру заблудившихся людей или разбойников – не самый распространенный житийный мотив, до Леонова он был использован Лесковым в «Запечатленном ангеле», в эпизоде встречи старика-отшельника Памвы с раскольниками, вынужденными искать у него ночлега. Отрок Левонтий после беседы со старцем меняет свои раскольничьи взгляды.

Авторское новаторство Лескова и Леонова заключается в том, что они берут действительно существующий в некоторых житиях мотив встречи в лесу разбойника или заплутавшего путника с лесным отшельником, которого отшельник обращает в свою веру, и трансформируют его в мотив встречи с отроком, а также с мотивом неузнанной персоны (святого / Христа). Сохраняя житийные тоposы и узнаваемые читателем детали известных русских житий, Леонов «кодирует» в тексте память о житиях, за счет чего получается вставной эпизод, контрастно отличающийся внутри романа от остального текста, выстроенного как перевернутая вариация соцреалистического кода. Именно в этом эпизоде за счет «памяти» житийных мотивов и топики раскрывается истинный источник личного смирения Вихрова перед завистником Грацианским. Это смирение праведника, принявшего служение. Кроме того, это источник, дающий силы на борьбу за русский лес, недаром герой, будучи взрослым, снова к нему возвращается. Здесь также исток его подлинного патриотизма – не казенного, официального, а вполне искренней любви к родине. Этот ход – апелляция к памяти о конкретных святых и их житиях – в сознании читателя путем их прямого использования на уровне сюжетного построения эпизода позволяет также провести параллель между героем романа и житийными / литературными героями-праведниками: бескорыстный, аскетичный, жертвенный Вихров вписывается в узнаваемый ряд.

Когда житийные мотивы и сюжеты приспособляются авторами к другим жанрам, появляются новые вариации мотивов, не всегда с ходу узнаваемые. Е. И. Замятин, автор одной из первых антиутопий, также одним из первых в русской литературе развил сходную стратегию «анти»- по отношению к житийному жанру: именно как «антижитие» Т. Т. Давыдова рассматривает повесть «Уездное» [Давыдова, 1997]: каждое действие героя, к которому можно провести агиографическую параллель, зеркально, инверсионно по семантике привычным житийным смыслом. Отчасти термин «антижитие» можно применить и к одному из самых ранних рассказов Леонова «Деяния Азлазивона». Сюжетные ходы жития словно выворачиваются наизнанку и наполняются противоположным, смыслом, приводя героев-разбойников не к победе духа и святости, а напротив, прямоком к падению и гибели. У Леонова привязка к конкретным житийным текстам осуществляется

при помощи значимых для сюжета имен святых, данных героям, и задана сеткой значимых дат поминовения святых, на которые приходится переломные для сюжета моменты рассказа [Непомнящих, 2014а; 2014б].

Леонов использует в рассказе сразу несколько привязок к житиям: на уровне сюжета – событийные мотивы, имена и даты, и в словник должны быть включены как мотивы, характерные для разных житий (например, искушение постящегося монаха яствами; падение монаха с бесовской колесницы в ложном видении; борьба с бесами в обители; постройка скита после приказа святого, явившегося в видении-сне основателю монастыря и т. д.), так и упоминания определенных святых, имена которых и эпизоды чьих житийных биографий автор инверсивно использует в тексте: все известные событийные мотивы наполняются противоположной семантикой и складываются в сюжет о падении и гибели героев.

У Леонова, как и в целом в светской литературе Нового и Новейшего времени, и отдельные житийные мотивы, и частично сюжетные схемы разных типов житий никогда не будут только калькой источника и никогда не сохранят свою устойчивую внутри древнерусской литературы жанровую конструирующую сущность. Напротив, они обязательно трансформируются: либо «растворяясь» в тексте на уровне тематики и проблематики, либо встраиваясь в авторский сюжет, контактируя с другими мотивами, не житийной природы, или приобретая амбивалентное прочтение.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что житие как выхолощенный образец с жестко закрепленной сюжетной схемой и довольно ограниченными комбинациями мотивов для каждого типа житий не востребовано в новой литературе. Житийная основа – композиция, сюжет, устойчивые наборы мотивов и топосов, герой, детали – преобразуются в последующей литературе из типовых, похожих, образцовых в авторские, получая новые трактовки. Нельзя также связать заимствование житийного материала ни с одним определенным современным литературным жанром. И хотя иногда в жанре романа видят «преемника» жития, нельзя сказать, что роман жестко следует житийным сюжетным схемам. Герой жития всегда развивается предсказуемо, согласно установленной сюжетной схеме, а ее воспроизводимость – залог устойчивости и статичности житийного жанра. Герой романа подвижен, сюжет в романе, в отличие от жития, не линейен и не во всем предсказуем для его читателя, именно поэтому жанр романа динамичен, а конкретные романы разнообразны и, несмотря на типологическое сходство, никогда не могут быть сведены к столь жестким, как в агиографии, сюжетным принципам закономерной сочетаемости мотивов друг с другом. При попытке описывать сюжеты романов в предельно редуцированном виде часто сразу теряют всю их специфику, сюжетные схемы житий остаются, напротив, узнаваемыми.

Житийные мотивы / сюжеты могут быть реализованы в любом из повествовательных и даже стихотворных жанров новой и новейшей литературы. Житийный материал, оставаясь узнаваемым в тексте художественных произведений, не сохраняет функциональность и семантику. Несмотря на узнаваемость агиографического источника, конкретный мотив / сюжет скорее преобразуется в более широкие смыслы – общие христианские / общечеловеческие идеи, или же получает инверсионное значение. Отнюдь не всегда сохраняется и его дидактическая роль – воспитания на образцах святости, основополагающей некогда для жития. Нет в новой литературе, заимствующей у житий сюжеты, мотивы и другие элементы, той самой утилитарной задачи, присущей когда-то житийному тексту: быть предназначенным для календарного чтения. Имена и даты становятся просто тексто-

выми знаками, отсылками к некоторым значимым параллелям, сюжетным ходам, но не обязывают чтить героя светской литературы, как персонажа жития.

Список литературы

- Бычков Д. М.* Агиографический дискурс в современной русской прозе. Астрахань, 2015. 250 с.
- Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (архетипы русской культуры). Красноярск: ИП СФУ, 2009. 260 с.
- Водолазкин Е. Г.* Образ Серафима Саровского в «Запечатленном ангеле» Н. С. Лескова // *Русская литература*. 1997. № 3. С. 136–141.
- Давыдова Т. Т.* Антижанры в творчестве Е. Замятина // *Новое о Замятине*. М., 1997. С. 20–35.
- Климова М. Н.* От протопopa Аввакума до Федора Абрамова: жития грешных святых в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 134 с.
- Ковтун Н. В.* «Спящее солнце» и «зловещая тьма» В. Распутина: сфера визуального (на материале прозы 1970-х годов) // *Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия*. М.: Флинта: Наука, 2016. 456 с. (Серия «Универсалии культуры»). Вып. VII)
- Ковтун Н. В.* Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 600 с.
- Ковтун Н. В.* Юродское странствие в поэтике Ф. Абрамова // *Сибирский филологический журнал*. 2010. № 3. С. 93–102.
- Краснова Н. А.* Житийные мотивы в романе Николая Островского «Как закалялась сталь»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010.
- Краснова Н. А., Краснов А. Г.* Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // *Изв. Самар. НЦ РАН*. 2012. Т. 14, № 2 (3). С. 740–746.
- Лукьянчикова Н. В.* Трансформация агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова о «праведниках»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.
- Майорова О. Е.* Литературная традиция в творчестве писателя (на материале произведений Н. С. Лескова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Минеева И. Н.* Старопечатный Пролог XVII века в творчестве Н. С. Лескова: к реконструкции одного литературного казуса // *Историческая поэтика*. 2014. № 12. С. 315–327.
- Непомнящих Н. А.* «Деяния Азлазивона» Л. М. Леонова: агиографический сюжет и жанр в авторской интерпретации // *Сибирский филологический журнал*. 2014а. № 1. С. 110–116.
- Непомнящих Н. А.* Семиотика чисел в рассказе Л. М. Леонова «Деяния Азлазивона»: источники и семантика // *Сюжетология и сюжетология*. 2014б. № 2. С. 22–28.
- Непомнящих Н. А.* Сюжетная ситуация встречи с лесным отшельником и житийная топика в произведениях Н. С. Лескова и Л. М. Леонова // *Мотивы русской литературы в творчестве Л. М. Леонова*. Новосибирск, 2011. С. 62–70.
- Подлубнова Ю. С.* Метажанры в русской литературе 1920 – начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и европейская сказка-аллегория): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 218 с.
- Ранчин А. М.* Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н. С. Лескова // *Slovène*. 2017. № 2. С. 413–443.
- Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika*. СПб., 2005. Т. 1. С. 59–101.

Сюжет и мотив: теория, типология, систематизация

Софронова Л. А. К истории советской агиографии // Знакомый незнакомец. Соцреализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 91–99.

Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.

N. A. Nepomnyashchikh

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

**Hagiographical Plots and Motives on the Modern Period:
On Issue of Research and Classification**

Studying the hagiographic traditions in the literature the modern period, one faces several issues. Firstly, it is assumed that a scholar who compares the hagiographic motifs and plots to the motifs and plots of the modern period, deals with the a hypothetical complex of the already identified and described the hagiographic motifs and plots and all he has to do is to compare them to the motifs and plots of the literature works written in the later times. However, there is no yet such a thing as a complete research on all hagiographic motifs and plots. There are studies of the certain hagiographic texts and the certain types of hagiographic texts, but there is no comprehensive list or index of the hagiographic motifs and plots. Secondly, there is no uniformly accepted scholarly terminology defining what a hagiographic motif is. Can any element of a hagiographic text be considered as such? Should the motif be defined as a unit of a theme or of a plot depending on the theory a scholar chooses to base on: Veselovsky's vs Tomashevsky's? How is the term "topos", which becomes more and more popular among the researchers of the hagiography, related to the hagiographic motifs and plots? Thirdly, the number of the hagiographic and literary texts as well as researches and studies on the subject is so huge that it is only possible to specify some trends of development of the hagiographic elements and traditions in the succeeding literature. The article summarizes and analyzes the existing scientific approaches to the issues of analysis, classification, typology of the hagiographic plots and some hagiographic motifs in the Russian literature of the modern period.

The conclusion of the survey is that the modern literature does not need the hagiography as a sapless model; such components of the hagiographic framework as its structure, plot, character, details are transformed from typical, similar to each other, copying the model ones to the unique ones interpreted in new original ways. Usage of the hagiographic sources can not be associated with a certain single genre; the hagiographic elements can be assimilated in any narrative or even in poetry. The literature of the modern period borrows plots, motifs and other elements of the hagiography but it lacks the utilitarian role that the hagiographic texts used to play as calendar reading. Names and dates become just literary symbols, references to some significant analogues but they do not demand to treat a literary character as a hagiographic character.

The main purpose of this work is to actualize the discussion on how an index of the hagiographic plots and motifs should be compiled, what a hagiographic motif and plot are, what should be considered hagiographic plots and motifs in later narratives, taking into account that not all the topoi and elements as well as rhetoric and periods, which are recognizable as the indicators of the "hagiographic tradition" in the narrative, can be defined as the motifs in the strict sense of the term.

Keywords: plot, motif, hagiography, Russian literature.

References

- Bychkov D. M. Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze [Hagiographical discourse in modern Russian prose]. Astrakhan, 2015, 250 p. (in Russ.)
- Davydova T. T. Antizhanry v tvorchestve E. Zamyatina. In: Novoe o Zamyatine [New about Zamyatin]. Moscow, 1997, p. 20–35. (in Russ.)
- Klimova M. N. Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: zhitiya greshnykh svyatykh v russkoy literature [From Avvakum to Fyodor Abramov: the lives of the sinner saints in Russian literature]. Moscow, Indrik Publ., 2010, 134 p. (in Russ.)
- Kovtun N. V. “Slepyashchee solntse” i “zloveshchaya t'ma” V. Rasputina: sfera vizual'nogo (na materiale prozy 1970-kh godov) In: Russkiy traditsionalizm: istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya [Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection]. Moscow, Flinta, Nauka, 2016, 456 p. (Series “Universals of culture”, Iss. VII) (in Russ.)
- Kovtun N. V. Yurodskoe stranstvie v poetike F. Abramova. *Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 3, p. 93–102. (in Russ.)
- Kovtun N. V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genesis, mifopoetika, konteksty [Traditionalist Russian prose of the 20th – 21st centuries: Genesis, poetics, contexts]. Moscow, Flinta, Nauka, 2017, 600 p. (in Russ.)
- Krasnova N. A., Krasnov A. G. Motivy zhitiya i agiologicheskikh zhanrovyykh variantov [Hagiographical motives as the main component of hagiography as a genre and this genre subdivisions]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoy akademii nauk [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, vol. 14, no. 2 (3), p. 740–746. (in Russ.)
- Krasnova N. A. Zhitiynye motivy v romane Nikolaya Ostrovskogo “Kak zakalyalas' stal” [Hagiographical motives of roman “How the Steel Was Tempered” (N. Ostrovskiy)]: Abstract of Philol. Cand. Diss. Samara, 2010. (in Russ.)
- Lukiyanchikova N. V. Transformatsiya agiograficheskoy traditsii v proizvedeniyakh N. S. Leskova o “pravednikakh” [Transformation of hagiographic tradition in N. S. Leskov's works about “the righteous”]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Yaroslavl, 2004. (in Russ.)
- Mayorova O. E. Literaturnaya traditsiya v tvorchestve pisatelya (na materiale proizvedeniy N. S. Leskova) [Literary tradition in the works of the writer (based on the works of N. S. Leskov)]. Philol. Cand. Diss. Moscow, 1985. (in Russ.)
- Mineeva I. N. Staropechatnyy Prolog XVII veka v tvorchestve N. S. Leskova: k rekonstruktsii odnogo literaturnogo kazusa. *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*, 2014, no. 12, p. 315–327. (in Russ.)
- Nepomnyashchikh N. A. “Deyaniya Azlazivona” L. M. Leonova: agiograficheskiy syuzhet i zhanr v avtorskoy interpretatsii. *Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 1, p. 110–116. (in Russ.)
- Nepomnyashchikh N. A. Semiotika chisel v rasskaze L. M. Leonova “Deyaniya Azlazivona”: istochniki i semantika. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology]*, 2014, no. 2, p. 22–28. (in Russ.)
- Nepomnyashchikh N. A. Syuzhetnaya situatsiya vstrechi s lesnym otshel'nikom i zhitiynaya topika v proizvedeniyakh N. S. Leskova i L. M. Leonova [The plot situation of the meeting with the forest hermit and the life topic in the works of N. S. Leskov and L. M. Leonov]. In: Motivy russkoy literatury v tvorchestve L. M. Leonova [Motives of Russian literature in the works of L. M. Leonov], Novosibirsk, 2011, p. 62–70. (in Russ.)
- Podlubnova Yu. S. Metazhanry v russkoy literature 1920 – nachala 1940-kh godov (kommunisticheskaya agiografiya i evropeyskaya skazka-allegoriya) [Metagenres in Russian literature 1920 – early 1940s (Communist hagiography and European fairy tale allegory)]. Philol. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2005, 218 p. (in Russ.)
- Ranchin A. M. Transformatsii agiograficheskogo koda v “Ocharovannom strannike” i printsip ambivalentnosti v poetike N. S. Leskova [Transformations of the Hagiographic Code in *The Enchanted Wanderer* and the Principle of Ambivalence in the Poetics of Nikolai Leskov]. *Slovëne*, 2017, no. 2, p. 413–443. (in Russ.)
- Rudy T. R. Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii). In: Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika [Russian hagiography. Researches. Publications. Controversy]. St. Petersburg, 2005, vol. 1, p. 59–101. (in Russ.)

Сюжет и мотив: теория, типология, систематизация

Sofronova L. A. K istorii sovetskoy agiografii. In: *Znakomyy neznakomets. Sotsrealizm kak istoriko-kul'turnaya problema* [Familiar stranger. Socialist realism as a historical and cultural problem]. Moscow, 1995, p. 91–99. (in Russ.)

Sokolova L. V. *Dukhovno-nravstvennye iskaniya pisateley-traditsionalistov vtoroy poloviny XX veka* (V. Shukshin, V. Rasputin, V. Belov, V. Astafyev) [Spiritual and moral searches of traditionalist writers of the second half of the 20th century (V. Shukshin, V. Rasputin, V. Belov, V. Astafyev)]. Abstract of Philol. Prof. Diss. St. Petersburg, 2005. (in Russ.)

Vasiliev V. K. *Syuzhetnaya tipologiya russkoy literatury XI–XX vekov* (arkhetipy russkoy kul'tury) [The plot typology of Russian literature 11th – 20th centuries (archetypes of Russian culture)]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2009, 260 p. (in Russ.)

Vodolazkin E. G. *Obraz Serafima Sarovskogo v "Zapechatlennom angele"* N. S. Leskova. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1997, no. 3, p. 136–141. (in Russ.)

Natalia A. Nepomnyashchikh – Candidate of Philology, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; alkat@ngs.ru)